PolotskSU

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи

Международный сборник научных статей

Новополоцк
2017

PolotskSU

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Редколлегия:
А.А. Гугнин – доктор филологических наук (отв. ред.);
Д.А. Кондаков – кандидат филологических наук;
Т.М. Гордеенок – кандидат филологических наук;
Р.В. Гуревич – доктор филологических наук;
Г.Н. Ермоленко – доктор филологических наук;
Е.А. Зачевский – доктор филологических наук;
З.И. Третьяк – кандидат филологических наук;
Н.Б. Лысова – кандидат филологических наук;
С.М. Лясович – кандидат филологических наук;
С.Ф. Мусиенко – доктор филологических наук;
М.Д. Путрова – кандидат филологических наук;
Л.Д. Синькова – доктор филологических наук;
И.А. Чарота – доктор филологических наук.

Рецензенты:
кандидат филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой зарубежной литературы МГЛУ Ю.В. Стулов,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой перевода БГУ Д.О. Половцев

Романо-германская филология. Контексты культуры и литературные связи : междунар. сб. науч. ст. / Полоцкий гос. ун-т ; редкол.: А.А. Гугнин (отв. ред.) [и др.] – Новополоцк, 2017. – 352 с.
ISBN 978-985-531-572-9.

В настоящем международном научном сборнике, продолжающем предыдущие издания (2011 и 2013 гг.) кафедры мировой литературы и иностранных языков Полоцкого государственного университета, публикуются статьи по актуальным вопросам романо-германской и славянской филологии, методологии литературоведческих исследований, методике преподавания гуманитарных дисциплин. Особое внимание в данном сборнике уделено проблемам конкретно-исторического изучения литературных взаимосвязей, а также философским, социальным и литературоведческим аспектам изучения проблемы войны и мира.

УДК 82.0(082)
ББК 83.3(4)я43

ISBN 978-985-531-572-9 © Полоцкий государственный университет, 2017

PolotskSU

[38] «Как уляжешься...» – Бенн вкрапляет в текст известный «зонг» Б. Брехта.

[39] Стерильный церебрализм – здесь означает: исключительно головная выдумка; церебральный (анатом.) – мозговой, относящийся к головному мозгу.

[40] Бенн ссылается на одну из основополагающих идей Джона Рёскина (1819–1900) – английского писателя, искусствоведа, теоретика культуры.

[41] В скандинавской мифологии Мидгард – часть суши на Земле, где обитают люди. Земля окружена Океаном, в котором плавает Ёрмунганд (мировой змей).

[42] Так назывался метод раннего диагностирования беременности с помощью теста на лягушках.

[43] Разновидность снотворного.

[44] Имеются в виду очаги цивилизации: Древний Египет (конец 4 тысяч. до н.э. – XI век до н.э.); минойская культура на острове Крит (3–2 тысяч. до н.э.); Шиму – индейское царство на северо-западном берегу Перу в XIV–XV веках. Завоевано инками в конце XV века.

[45] Триплет (кодон) – единица генетического кода: свойственная живым организмам единая система «записи» наследственной информации в молекулах нуклеиновых кислот в виде последовательности нуклеотидов. Речь у Бенна о попытках влиять на наследственность и создавать новые виды живых существ.

[46] Пауль Герхардт (1607–1676) – крупнейший немецкий религиозный поэт XVII века.

[47] По-видимому, имеется в виду Мольтке (Старший) Хельмут Карл (1800–1891) – германский фельдмаршал и военный теоретик; в 1858–1888 годы начальник германского генштаба, фактически главнокомандующий в войнах с Данией, Австрией, Францией; один из идеологов германского империализма.

[48] Джиованни Виргинио Скиапарелли (1835–1910) – итальянский астроном, обнаруживший каналы на Марсе.

[49] Органдú – очень тонкая жесткая прозрачная матовая шелковая ткань, выработанная мелкоузорчатым переплетением.

[50] Арнольд Гелен (1904–1976) – философ и социолог, один из самых влиятельных представителей философской антропологии в ФРГ; Адольф Портман (1897–1982) – немецкий философ, развивавший идеи зоологической антропологии; Алексис Каррель (1873–1944) – французский хирург, патофизиолог и психолог, лауреат Нобелевской премии (1912).

[51] Речь идет о библейском сюжете; см.: Откровение Св. Иоанна, 13. Бенн ссылается на собственную интерпретацию этого сюжета в своей пьесе «Три старика» (1949).

[52] Йозеф Вайнхебер (1892–1945) – австрийский писатель.

[53] Династия Минг в Китае находилась у власти в 1368–1644 годах.

[54] Эрнст Эльстер (1860–1940) – немецкий литературовед. Собрание сочинений Гейне, о котором идет речь, было издано в семи томах в 1890 году.

Перевод и комментарии А. Гугнина, Полоцкий государственный университет)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЯЗЫКОВЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

М.Д. Путрова
Полоцкий государственный университет, Беларусь

Вен. Смехов, цитируя многих поэтов в своем пространном рассуждении о сущности русского менталитета, пришел к выводу, что «наша родина – русский язык» [1] и тем самым, по сути, заявил, что в основе национальной и любой идентичности лежит язык.

Философам и лингвистам значимость языка в конструировании идентичности была очевидна с самых древних времен. «Заговори, – просил еще Сократ, – чтоб я тебя увидел!» Ведь говорение, язык неизбежно представляет картину мира пользующегося им индивида или этноса и тем самым весьма точно описывает его сущностные черты.

Долгое время, однако, исследователи обращали внимание совсем на другое, главным образом, на формальные признаки языка и даже порицали подходы, представленные в интерпретации языка как энергии мира, находящегося между человеком и действительностью и позволяющего каждому созидать языковую картину реальности, свою картину мира [2, с. 302–303]. Их интересовало, главным образом, всеобщее универсальное.

Представляется правомерным признать, что представления об универсальности лингвистической формы и логической линии языка до сих пор весьма популярны в обыденном сознании. Многие и теперь продолжают быть в полной уверенности, что разные языки отличаются друг от друга лишь своей внешней, звуковой формой, в то время как внутренняя или семантическая сторона у всех языков

PolotskSU

одинакова, универсальна. Что из того, что один и тот же смысл репрезентируется в разных языках с помощью другой, отличающейся последовательности звуков, если сам смысл, по их убеждению, остается тем же. Категория формы видится им как исключительно внешняя, звуковая сторона языка. Язык в таком случае есть только некое орудие для реализации одного и того же, универсального для всех смысла.

Настоящую революцию в интерпретации языка и его значимости произвел в начале XIX века В. фон Гумбольдт. Суть данной революции состоит в глубоком обосновании языкового идиоэтнизма, в представлении нового идиоэтнического взгляда на содержательную сторону языка. «Человек не так уж беззащитен, – писал он, – и для организации взаимопонимания хватило бы нечленораздельных звуков» [3, с. 88]. Язык есть прежде всего средство миросозидания.

В истоках языка – и прозорливые лингвисты и философы это понимали – лежит «не маленькое противостояние *человек – человек*, но великое противостояние *Универсум – человек*», – вторит Гумбольдту Гийом [4, с. 68, 155, 161] и многие другие выдающиеся лингвисты и философы современности. Для понимания сущности данного подхода целесообразно обратиться к теории внешней и внутренней формы языка, как ее понимал В. Гумбольдт. Под внешней формой того или иного языка он подразумевал его звуковое своеобразие, а под внутренней формой – смысловую семантическую неповторимость.

Внешние формы языков, конечно же, специфичны, однако они лежат на поверхности и заметны сразу же. Гораздо сложнее дело обстоит с внутренними формами, так как семантические отличия между языками не очевидны, спрятаны в их глубинных характеристиках и не лежат на поверхности. В своем анализе сущности языка как миросозидания В. Гумбольдт сосредоточился именно на его внутренней форме. По сути, его учение о внутренней форме языка составляет основу гумбольдтовского видения языка. Неслучайно Л. Вайсгербер положил данное учение Гумбольдта в основу своей теории языковой картины мира. Правомерно согласиться с О.А. Радченко, что глубокое знание многих десятков языков привело Гумбольдта к выводу, что каждый язык в любом из его состояний образует целое некоего мировидения, содержит в себе выражение всех понятий и суждений, которые нация составляет о мире и о всех ощущениях, которые мир вызывает в ней [5, с. 64]. То, что завораживало Гумбольдта в языке, было именно его внутренней формой. И нет более надежного способа постичь внутреннюю форму своего собственного языка, чем перенестись полностью в мир другого языка [5, с. 56].

Все языки отражают мир, но каждый со своих перспектив, тех, которые использовал народ в своем противостоянии с Универсумом. В любом языке, таким образом, представлен универсально-объективный аспект, связанный с отражением в языке объективной реальности как таковой, и субъективно-национальный (идиоэтнический), отражающий уже не мир как таковой, а точку зрения на него со стороны носителей данного языка. Последний из этих аспектов и позволяет нам говорить о языке как мировидении или о языковой картине мира, которые и отражают основы национальной специфики каждой культуры.

Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции или перспективы для интерпретации мира, что вполне согласуется с современной концепцией межкультурного иноязычного образования. Влияние Гумбольдта в XX веке испытала на себе целая плеяда блестящих лингвистов, начиная от Ш. Балли, Бенвениста, Матезиуса, Л. Вайсгербера. В значительной мере перекликающуюся интерпретацию языка, но в другом терминологическом обозначении и с других позиций развивали Сэпир и Уорф, блестяще показавшие центральную роль языка в формировании своеобразия культурных и этнических сообществ.

Правила построения единиц языка и их сочетаний определяют вербальное поведение человека, причем на самом глубинном уровне, в совершении действий обобщения, интегрирования, обезличивания и, наоборот, конкретизации, дифференциации. Весьма глубоко взаимообусловленность сущностных характеристик личности, структур языка и культуры раскрывает теория означивания Дж. Кристевой [6, с. 50]. В соответствии с данной теорией язык есть процесс означивания, который протекает внутри говорящих субъектов и между ними и который приводит к определенному миросозиданию, конструированию некой картины мира или, в другой терминологии, дома бытия человека.

В настоящее время понятие языковой картины мира активно разрабатывается лингвистами и имеет целый ряд вариантов своей концептуализации. Для многих главным предметом исследования являются так называемые культурные концепты, рассматриваемые во многих работах Н.Д. Арутюновой и трудах по «логическому анализу языка» как он интерпретируется Н.Д. Арутюновой [7; 8]. В настоящей работе принята точка зрения московской семантической школы, в соответствии с которой материалом для реконструкции языковой картины мира служат любые единицы и характеристики языка – грамматические формы, словообразовательные или просодические средства, синтаксические конструкции, фразеологизмы и т.п. [9, с. 7, 8].

В соответствии с теорией данной школы об этноспецифичности картины мира в каждом конкретном языке по сравнению с каким-нибудь другим языком или языками, как правило, говорят в двух случаях:

PolotskSU

а) когда в одном языке есть единицы с неким значением, а в другом языке эти единицы отсутствуют и выражаемые ими значения могут быть представлены только описательно. Примером такой ситуации можно считать отсутствие существительных-эквивалентов английским *likes* и *dislikes* в русском и белорусском языках, что, на первый взгляд, и явилось причиной активного введения в коммуникативный обиход слова *лайк* (сколько лайков и т.п.). Этноспецифичность данной разновидности принято считать сильной.

б) С другой стороны, возможны случаи, когда некое значение существует в двух или более сопоставляемых языках, но в каждом из них (или хотя бы в нескольких) оно имеет особый статус. Такие ситуации оцениваются как этноспецифичные в слабом смысле. Средства представленных двух групп (сильных в плане этноспецифики и слабых) и создают национальную специфику языковой картины мира, позволяют народу созидать свой неповторимый дом бытия.

Рассмотрим особенности проявления так называемой плотности языковой линии в вербальном поведении человека, а именно особенности распределения молчания в аутентичном коммуникативном поведении в четырех культурах: английской, американской, русской и белорусской. До самого последнего времени молчание вообще не являлось объектом изучение в лингвистике. В лучшем случае оно воспринималось только как некое пространство, в котором и размещается языковой континуум и языковая картина мира. Прагматика и коммуникативная лингвистика, а также гендерная лингвистика в значительной мере поколебали данную точку зрения, на многих примерах показав, что реплики молчания являются полноценными коммуникативными действиями, несущими важнейшие смыслы для развития каждого конкретного коммуникативного события.

Наша гипотеза состоит в том, что особенности распределения молчаливых реакций в говорении имеют национальную специфику и в значительной мере определены представлением говорящих о том, каким должно быть адекватное вербальное поведение членов того или иного языкового сообщества. То есть фрагмент картины мира, очерчивающий образ оптимального языкового субъекта, являющегося важнейшей составляющей данного мира и языка как процесса означивания, в значительной мере культурно специфичен в плане соотношения молчания и говорения.

Гендерные исследования, особенно в англо-говорящих странах, убедительно показали специфику распределения молчания в вербальном поведении говорящих субъектов в зависимости от их гендерной идентичности. Как правило, значительно более высокие общие показатели молчания соотносятся с поведением женщин. Еще более четко данная закономерность прослеживается, если во внимание принимать только говорение в публичной сфере. Верификация представленных данных на материале подлинного говорения во многих культурах позволила получить убедительные данные в пользу выводов англо-американских исследователей.

Наше сопоставительное исследование коммуникативного поведения в четырех обозначенных культурах также дало результаты, подтверждающие устойчиво большее общее количество молчаливых реакций в поведении женщин. Но не только.

По нашим данным, общение в американской, английской, белорусской и русской культурах имеет определенную специфику в плане встречаемости в нем реплик молчания. Плотность вербальных сегментов в белорусском свободном говорении самая низкая, а количество зарегистрированных в нем молчаний самое высокое, особенно если сопоставление производить с говорением в американской культуре. Если за 100% принять все случаи молчания в зафиксированных нами фрагментах подлинного говорения, то 42,5% из них приходится на белорусскую культуру, 25% – на английскую, 22,5% – на русскую и 17,5% – на американскую.

Кроме того, чтобы получить примерно идентичную по количеству слов базу данных по каждому из сопоставляемых языков, пришлось записать разное количество интеракций. Белорусские реплики в значительном количестве случаев оказывались короче, поэтому общее их число больше, особенно в сопоставлении с американской базой данных.

Любопытны также сведения об оценке фактов большего количества молчаний в поведении женщин информантами из всех сопоставляемых культур. Оказалось, что представители американской культуры все-таки ценят именно говорение и факты молчания рассматривают как знаки определенного несоответствия говорящего субъекта, как неумение высказывать свои мысли и вести беседу. В английской культуре оценка оказалась более лояльной, однако почти 40% информантов все-таки высказались в пользу говорения. Весьма близкое к английскому оказалось отношение информантов, представляющих русскую культуру. Белорусские же оценки фактов гендерно специфичного количества молчания в записях аутентичного поведения оказались весьма неожиданными. Почти треть информантов были явно смущены большим по времени говорением мужчин и очевидным образом не рассматривали данный показатель как положительный. Основная масса информантов выказала нейтральное отношение, не отдавая никакого приоритета ни одному из стилей поведения. Небольшой процент информантов пытался оправдать большее количество говорения мужчин, по-видимому, считая, что молчание в оправдании не

PolotskSU

нуждается. Только в группе до 25 лет обнаружилось несколько представителей белорусской культуры (3 чел.), отозвавшихся о большем количестве молчания женщин неодобрительно.

Оценка молчания в поведении женщин

Культура / Виды оценок	Белорусская	Русская	Американская	Английская
Неодобрительная	3	12	23	5
Нейтральная	21	26	20	36
Положительная	24	10	5	7

Примечание. В каждой культуре в эксперименте участвовало 48 информантов (24 мужчины и 24 женщины).

Представляется необходимым отметить роль показателя возраста в особенностях интерпретации факта большего количества молчание в вербальном поведении женщин. Показательно, что неодобрительное отношение в белорусской культуре сосредоточено только в группе до 25 лет. В группе старше 46 лет сконцентрировано до 60% положительного отношения, а в промежуточной (26–45 лет) больше нейтрального. Во всех других культурах также наблюдается возрастание неодобрительных оценок в самой молодой группе (18–25 лет), однако и среди самых возрастных информантов имеются случаи неодобрения молчания в русской и английской культурах и заметное количество таких неодобрений в американской (примерно 20% всех неодобрений в данной культуре). То есть во всех культурах количество нейтральных и положительных оценок увеличивается с возрастом, но особенно четко данная тенденция прослеживается именно в белорусской культуре, в отношении которой правомерно говорить не только о толерантности к молчанию, но и об определенной значимости молчания в структуре вербального поведения белорусов. Весьма красноречиво об этом говорит строка известной белорусской поэтессы Е. Янишчиц: «Памаўчы са мной па беларуску».

В соответствии с теорией московской семантической школы установленные особенности реализации молчания правомерно отнести к слабым средствам в плане их возможности конструирования этноспецифической картины мира, ведь молчание наблюдается в вербальном поведении всех сопоставляемых культур. Терминологическое обозначенире «слабый», однако, семантически весьма провокационно, ибо оно допускает иллюзию, что обозначаемое им явление имеет второстепенное значение и менее значимо в плане конструирования этноспецифики видения мира, чем сильное, характерное только для одной из сопоставляемых культур. Между тем, такое мнение ошибочно. Так, сам по себе факт отсутствия или наличия в языковой системе имени существительного со значением «то, что нравится» (*like*) только на первый взгляд более значим в плане этноспецифичности картины мира, чем скрывающийся за ним весьма характерный феномен для русского видения мира, репрезентируемый значением синтаксических конструкций типа *мне работается*, *поется*, *пишется*, *нравится*, *думается*. Данное значение обнаруживает лейтмотив неподконтрольности ситуации говорящему субъекту и неопределенности той силы, которая, по мнению говорящего, является причиной наблюдаемого положения вещей [9, с. 8]. Говорящий как будто в таком случае не является субъектом действия в реальной ситуации, последнее совершается само по себе.

Обсуждаемый лейтмотив, по мнению исследователей московской семантической школы, этноспецифичен в сильном смысле [9, с. 10] и вносит весьма характерные особенности именно в русскую картину мира и именно в силу разнообразия и частотности его манифестации в вербальном поведении носителей языка. Примечательно, что принципиальные возможности реализации единиц с семантикой неконтролируемости имеется и в английской и американской культурах. Структура их языков допускает формирования типа «They say», «They think», «They believe», однако разнообразие и распространенность таких формирований совершенно несопоставимы с ситуацией в русской культуре, в результате чего создаваемый ими лейтмотив не оказывает такого существенного влияния на этноспефическую картину мира.

Представленные данные позволяют заключить, что аналогичная ситуация прослеживается в отношении молчания, которое имеет очевидные особенности своего употребления в зависимости от культурной принадлежности языкового субъекта. В американской, английской, русской культурах оно является одним из средств коммуникативного поведения, в белорусской – весьма характерной чертой, активно участвующей в манифестации адекватного с точки зрения данной культуры вербального поведения и оптимальной языковой личности. Установленные особенности дают возможность сделать вывод о том, что именно данная культура включает значительно большее количество смыслов, которые говорящие предпочитают реализовывать в репликах молчания, и что последнее является весьма сильным средством создания неповторимой, особенной картины мира.

PolotskSU

ЛИТЕРАТУРА

Смехов, В. Беседа в «Белой студии». – Телевизионный канал «Культура». – 14.03.2015.
Головин, Б.Н. Введение в языкознание /В.Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1973. – 330 с.
Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию /В. фон Гумбольдт. – М.: Наука, 1984. – 470 с.
Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики /Г. Гийом. – М.: Наука, 1992. – 461 с.
Радченко, О.А. Язык как миросозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. – Ч. 1. – М., 1997.
Kristeva, J. The system and the speaking subject /J. Kristeva // Sebeok N.A. (ed.) The Tell-Tale Sign. A Survey of Semiotics. – Lisse, Netherlands: The Peter de Ridder Press, 1975. – P. 47–55.
Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М., 1998. – 487 с.
Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1998. – 895 с.
Апресян, Ю.Д. О московской семантической школе / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 3–30.

К ВОПРОСУ ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ОТРИЦАНИЙ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

И.В. Логвинова
Полоцкий государственный университет, Беларусь

В последние годы лингвисты проявляют интерес к отрицанию как категории. В своих работах они рассматривают его либо как синтаксическую, либо как общеязыковую категорию. Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, «отрицание – элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует или что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное. Отрицание – одна из свойственных всем языкам мира исходных, семантически неразложимых смысловых категорий, которые не поддаются определению через более простые семантические элементы» [1, 354]. Отрицание в языке констатирует отсутствие предмета, признака, явления и выражается разнообразными языковыми средствами: грамматическими, лексическими, фонетическими и другими. Оно немыслимо без своей противоположности – утверждения. Поэтому «отрицание в языке можно представить как один из членов оппозиции утверждение – отрицание, где исходным, немаркированным членом является утверждение, а маркированным – отрицание» [2, 50].

В широком смысле отрицание обозначает и другие родственные понятия, такие, как отсутствие, лишенность, противопоставление, исключение, противоречие. Лишенность понимается как отсутствие признака либо в силу объективной необходимости, либо в силу каких-то других причин. Противопоставление есть сопоставление противоположного. Исключение – это противопоставление части целому, отдельного класса – универсуму. Противоречие – такое положение, когда одно исключает другое, совершенно несовместимое с ним [2, 51].

Сферой действия отрицания может быть всё предложение или только его часть. Отрицание, соответственно, может быть полным и неполным (или общим и частным). Предложение с полным отрицанием (семантически общеотрицательное) целиком составляет сферу действия отрицания. Полное (фразовое) отрицание указывает на отсутствие связи между подлежащим и сказуемым. В предложении с неполным отрицанием (семантически частноотрицательном) отрицается лишь один из семантических компонентов предложения. Часто это именно тот член предложения (слово или группа слов), перед которым стоит отрицательное слово. Такое отрицание является присловным. Однако возможно и обратное соотношение: присловное отрицание может быть полным, а фразовое отрицание – неполным. Л.А. Белова указывает на факт происхождения частного отрицания из общего отрицания, т.е. из отрицания сказуемого, поэтому «в некоторых случаях оно трудно поддается дифференциации от общего отрицания из-за отсутствия четкого грамматического средства его выражения» [2, 85].

Несмотря на активный интерес исследователей к отрицанию, не все вопросы, связанные с его изучением, имеют общепризнанное решение. Во многих работах уточняется вопрос о статусе отрицательных слов в системе частей речи. Например, И.Ю. Зиновьева отмечает, что «nicht является синкретичной единицей, т.е. она совмещает различные функции: наречия, частицы, модального слова» [3, 26]. Такие отрицательные слова, как niemand, nichts, kein по своим грамматическим свойствам не относятся стопроцентно ни к одной части речи. Их относят к классу слов местоимений только на основе их семантического значения местоименности. Но, по мнению Л.А. Беловой, «если учесть то, что … они делают